

Взгляд на традиционный режим воспроизводства населения Пермской губернии сквозь призму детской смертности

«П.Н. Серебрянников демонстрирует карту смертности в России, на которой видно, что Пермская губерния, сравнительно богатая, отличается самым высоким процентом детской смертности», – записано в журнале заседаний IX съезда врачей и представителей земств Пермской губернии. Шел 1907 г., и присутствующие на специальной секции, посвященной борьбе с детской смертностью, бурно обсуждали сообщения «с мест» и доклад Н.А. Русских. Он привел высказывание академика Германа, изучавшего этот вопрос сто лет назад – за 1790–1805 гг., – о том, что смертность детей до 5 лет «ужасно велика», а именно равна 44,5%. В прениях Серебрянников рекомендовал «установить взгляд» на борьбу с детской смертностью «как на общегосударственное дело». И.А. Курдов считал, что «...собака зарыта в экономических условиях. Когда они улучшатся, крестьянин не будет радоваться смерти своего ребенка». «...Нигде так дешево не ценится жизнь, как в России», – добавлял Я.С. Давыдов [6, с. 23, 26, 29–31].

На следующем съезде медики вернулись к проблеме. Н.А. Русских свой очередной доклад «О борьбе с детской смертностью в Пермской губернии» начал словами: «...есть вещи, которые не нуждаются в доказательстве цифрами». Он говорил это о «злосчастном, нудном вопросе» вымирания детей, о том, что с различными проявлениями этого общественного зла врачи постоянно сталкивались в больницах, амбулаториях, частной практике [12, с. 270–281].

В этом же 1910 г. на всю страну «прозвучал» «кунгурский инцидент». Чиновники Ведомства учреждений императрицы Марии после международного конгресса по вопросам охраны детей и борьбы с детской смертностью в Брюсселе, решили подробнее ознакомиться с ситуацией в России и выяснили, что хуже всего она в Кунгурском уезде. Результатом данного разбирательства стал внушительный том очередного выпуска «Ведомства детских приютов», в котором были собраны отчеты попечительств со всей страны о их деятельности по снижению детской смертности. Открывался он следующим сообщением: «По статистическим данным в Европейской России наибольшей смертностью детей в возрасте до 1 года отличается Пермская губерния, особенно Кунгурский уезд» [3, с. 3]. Кунгурское уездное попечительство детских приютов тоже отапортовало: «...постановлено: ...озаботиться к распространению полезных брошюр..., пригласить к участию в распространении полезных сведений духовенство, врачей, народных учителей, для чего их снабдить необходимым материалом, просить названных лиц сообщать свои наблюдения на местах о причинах детской смертности» [3, с. 53].

Про общественность было упомянуто не зря. В России и на Урале набирало силу самостоятельное движение в защиту жизни детей. В 1904 г. его участники объединились в «Союз для борьбы с детской смертностью в России». В качестве цели его «Устав» называл «организацию борьбы с детской

смертностью в России и содействие деятельности общественных учреждений, обществ и частных лиц, желающих принять участие в этой борьбе путем вырабатываемых наукой и опытом мер» [18, с. 1]. Инициатором борьбы с детской смертностью в Пермской губернии Н.А. Русских в 1905 г. был создан Уральский отдел организации. Он был одним из немногих активно работающих региональных представительств «Союза...». Этому неутомимому общественному деятелю удалось дожить до воплощения в жизнь в последний предвоенный год своей давней задумки – учреждения Попечительства об охране материнства и младенчества (получившее широкую известность как ОММ). Курировал он и первые номера журнала с одноименным названием, который ставил своей задачей публикацию «трудов, относящихся до охраны женщины как матери, и детей, преимущественно раннего, т.е. самого беззащитного возраста» [9, ст. 1]. В «Положении» об этом всероссийском попечительстве также было записано: «...имеет целью путем охраны здоровья детей младшего возраста и особенно грудных младенцев способствовать уменьшению детской смертности» [8, ст. 5].

История тернистого пути спасения детских жизней давно потеряла свою актуальность. Попытки решения глобальных проблем современного мира, обусловленных демографическим взрывом в развивающихся странах и угрозой депопуляции в развитых, вызывают постоянные апелляции к прошлому, к «золотому веку» высокой рождаемости. О существовании наряду с ней высокой смертности нередко забывается. Однако в последнее время приоритеты стали меняться. Детская смертность была признана одним из основных демографических показателей здоровья популяции, определяющим репродуктивный и трудовой потенциал будущих поколений страны и являющимся в то же время важным индикатором социально-экономических условий жизни общества и качества медицинской помощи женщинам и детям. Как интегральное выражение важных составляющих качества жизни введена в расчет его международного показателя и оказалась в сфере интересов ученых. Можно назвать работы А.А. Баранова и В.Ю. Альбицкого [1, 2], монографию Л.П. Сухановой [16], ее совместную статью с М.С. Скляр [17]. Демографическая значимость детской смертности особенно очевидна в историческом разрезе. Однако этот аспект изучается применительно к истории XX в. (работы Е.А. Кваши [7] и В.Б. Жиромской [5]). Более ранний период исследователи берут в качестве отправной точки анализа современности и дают ему общую характеристику. Хотя изучение «русской» смертности в историческом контексте приобретает особую актуальность, конкретно-исторических исследований, посвященных анализу смертности в общероссийском или региональном масштабе за период с XVIII – начала XX вв. явно недостаточно (можно назвать работы Н.С. Троицкой, Б.Н. Мироннова, С.Л. Хока), а специальные монографические работы о детской смертности отсутствуют.

Снижение детской смертности – обязательное условие демографического перехода – замены традиционного режима воспроизводства населения на современный. В сущности борьба с высокой смертностью выливалась в борьбу с детской смертностью. Для исследователей этот процесс продолжает оставаться далеко неочевидным.

Дореволюционные авторы постоянно обращали внимание не только на численное преобладание случаев смерти детей от рождения до пяти лет, но

и на формирование представлений об общей смертности прежде всего под воздействием детской. Поэтому детскую смертность целесообразно рассматривать в контексте общей. Данные по Пермской губернии (21-летний тренд – с 1894 по 1914 гг.) делятся на две части, рубежом между которыми стал 1904 г. До этого времени значения варьировали между 59,3% в 1895 г. и 53,7% в 1899 г., следовательно, незначительно флуктуировали в границах от 50% до 60%. Вторая часть начиналась резким падением уровня младенческой смертности с 56% в 1903 г. до 37,8% в 1904 г. После 18% спада показатели вновь медленно поползли вверх (в 1905 и 1909 гг. сильнее), в 1912 г. превошли среднее за весь период значение, равное 51,2% – и к началу Первой мировой войны приблизились к уровню начала века. В 1914 г. удельный вес младенцев в общей смертности составлял 54,7%, а в 1902 г. 54,9% [10, с. 6].

Если «свернуть» предыдущие сведения в средние показатели по семи-летиям, то получится, что положение с младенческой смертностью имело тенденцию к улучшению, причем качественный скачок с 56,8% в конце XIX в. до 48,6% в начале XX в. продолжился в предвоенные годы снижением до 48,2%. Расчеты на основе статистической информации позволяют интерпретировать ситуацию начала XX в. и как резкое падение доли умерших младенцев с последующей ее стагнацией.

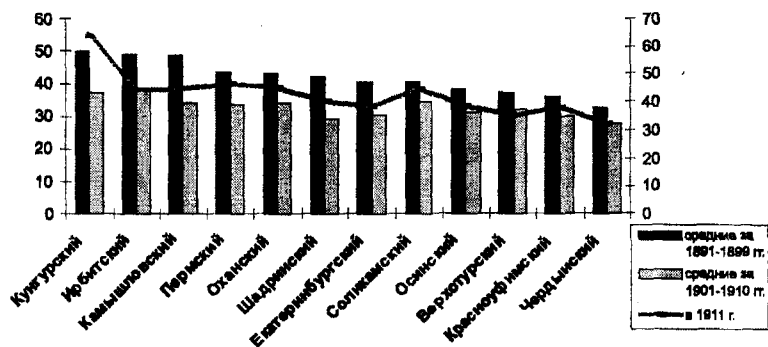
Погубернские показатели подтверждают расчеты на уездном уровне. В 1895 г. минимальный показатель смертности на первом году жизни был в Верхотурском уезде (50,7%), максимальный – в Кунгурском (69,8%). Разброс его значений составлял 19 единиц. В 7 уездах он варьировался в интервале от 50 до 60 %, в 5 – от 60 и практически до 70 %. Средняя в 59,39 делила уезды на те же самые группы. Наряду с Кунгурским особенно неблагоприятное положение сложилось в Ирбитском, Пермском, Камышловском и Осинском уездах: где удельный вес смертей до года не опускался ниже 60% [13, с. 2].

По данным 1901 г. минимум детской смертности переместился в Екатеринбургский уезд и понизился до 45,4%, максимум, став чуть ниже – 68,15%, перешел в Пермский. Следовательно, диапазон значений увеличился до 23 единиц. Количество уездов относительно промежутка 50–60% практически не изменилось: в 6 он был ниже, в 5 – выше. К неблагополучным вновь относились Пермский, Кунгурский, Камышловский, Ирбитский уезды, добавился Красноуфимский. Средняя в 58,4% делила их совокупность обратно пропорционально: в 5 случаях уездные показатели до нее не дотянули, в 7 – перекрыли [14, с. 3–4].

Возможно, осуществить сравнение уровня младенческой смертности в рассматриваемые годы по каждому уезду. В 8 случаях наблюдалось падение показателя: особо резкое в Осинском уезде с 61,4 до 52%. Снижение происходило в относительно благополучных Екатеринбургском (до 45,4%), Чердынском (до 53%), Шадринском (до 53,9%), Оханском (до 56,3%) уездах и в группе аутсайдеров: Кунгурском (до 66,6%), Камышловском (до 61,1%), Ирбитском (до 60,8%). Однако позитивные изменения у последних оказались не столь велики, чтобы выйти из этой группы. В 4 случаях имел место рост показателя. Верхотурский (с 58,8%) и Соликамский (с 59,9%) уезды практически приблизились к границе неблагополучия, Красноуфимский, в котором подъем достиг 65%, ее перешел, а Пермский, достигнув 68,1%, занял первое место.

«При рассмотрении вопроса о смертности младенцев до 1 года, – ука-

зывал в 1916 г. П.И. Георгиевский, – обыкновенно число умерших в этом возрасте относят не к числу живых того же возраста, а к числу живорожденных в течение того же года» [4, ст. 113]. Если общее число смертей доля детских значительно увеличивала, то контингент новорожденных она сокращала. Двойная роль детской (а прежде всего младенческой) смертности в механизме воспроизводства населения требует изучения ее отношений с рождаемостью.



Младенческая смертность в уездах Пермской губернии в начале XX в. (на 100 родившихся умирало в возрасте 0–1 год)

На диаграмме общая картина влияния смертности на рождаемость в Пермской губернии на протяжении 20-летнего периода с 1891 по 1911 гг. представлена с использованием различного вида данных: многолетних средних значений и сведений за один год. Она показывает, что вымирание на первом году жизни, составлявшее в последнее десятилетие XIX в. от 40 до 50% поколения, повсеместно снизило свой уровень и в первое десятилетие XX в. располагалось в диапазоне от 30 до 40%. Причем позитивные изменения, особенно хорошо это видно по Кунгурскому, Ирбитскому и Камышловскому уездам, больше коснулись территорий с высокими показателями, и в меньшей степени – с более низкими. В результате сближения величин график стал более пологим. Возможно, 1911 г. выдался не самым благоприятным, но сопоставление гистограммы с графиком свидетельствует о сохранении им тенденций прошедшего десятилетия, что особенно хорошо видно на отрезке от Осинского до Ирбитского уездов. Явное исключение составляли Верхотурский и Кунгурский уезды [10, с. 7].

Таким образом, прием включения детской смертности в более широкие контексты (общей смертности и рождаемости), а также расширение этих контекстов в территориальном аспекте (от отдельного уезда до масштабов губернии) или временном (от одного года до 21) показывает, как выстраивалось представление о высокой детской смертности, практически без исключений обнимающих время и пространство губернии. Параллельно происходило сглаживание значения показателя. Благодаря этому механизму оно оставалось высоким, но уже не вопиюще. И сила высказывания доктора М.А. Токарева о том, что в отдельных местностях Верхотурского уезда

в 1880-е гг. детская смертность могла достигать 95% от общей [11, с. 69], держится именно на вырывании отдельного факта из контекста.

Доля детской смертности в общей варьировалась на отметке 50–60% с некоторой тенденцией к уменьшению, удельный вес в потерях рождаемости колебался от 40 до 50% с более четко просматривающейся аналогичной тенденцией. Образовавшийся в 10 единиц люфт свидетельствовал о резервах и возможностях типа воспроизводства изучаемого времени.

Поскольку основной спецификой детской смертности является замедление ее роста в старших возрастах, то потери в этих возрастах должны быть существенно ниже и снижаться в первую очередь. С позиций концепции предотвратимости такая смертность как, обусловленная преимущественно экзогенными причинами, должна снижаться раньше младенческой, детерминированной менее управляемыми эндогенными факторами. Действительно, первые решающие успехи были достигнуты в борьбе со смертностью поздних детских возрастов. Они обеспечили ее начавшееся снижение во многих странах в конце XIX – начале XX в. Такими практическими соображениями руководствовались и борцы с детской смертностью на Урале, сосредоточив внимание на этих возрастах, и не считая нужным осуществлять дифференцированный анализ первого месяца жизни. Задача снижения неонатальной смертности не стояла в то время даже перед европейскими странами.

Список литературы

1. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. *Детская смертность: тенденции, причины и пути снижения*. М., 2003.
2. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. *Смертность детского населения России*. М., 2007.
3. Ведомство детских приютов. Вып. 32. О содействии попечительства детских приютов в борьбе с детской смертностью. СПб., 1910.
4. Георгиевский П.И. Об изучении смертности младенцев до года // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. № 1.
5. Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в послевоенной России. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.ethno-genesis.ru/novosti-otechestvennoy-etnologii/zhiromskaya-v.-b.-mladencheskaya-i-detskaya-zaboilevaemost-i-smertnost-v-poslevoennoy-rossii.html>.
6. Труды IX съезда врачей пермской губернии. Пермь, 1907. Ч. 1. Журналы заседаний, перечень постановлений и доклады комиссий.
7. Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // *Социологические исследования* (СОЦИС). 2003. № 6. С. 47–55.
8. Медовиков П.С. В чем должна состоять борьба с детской смертностью // *Охрана материнства и младенчества*. 1917. № 6.
9. От редакции // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. № 1 (июль).
10. Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства к Всероссийской выставке гигиены 1913 г. СПб., 1913.
11. Протокол V очередного публичного заседания // *Записки Уральского медицинского общества*. Пермь, 1891. Вып. 1.
12. Русских Н.А. О борьбе с детской смертностью в Пермской губернии // *Труды X съезда врачей и представителей земств Пермской губернии*. Пермь, 1910. Ч. 2. Доклады съезда его членов. Вып. 2. С. 270–281.

13. Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь, 1896.
14. Санитарный обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1903.
15. Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1915.
16. Суханова Л.П. Перинатальные проблемы воспроизводства населения России в переходный период. М., 2006.
17. Суханова Л.П., Скляр М.С. Детская и перинатальная смертность в России: тенденции, структура, факторы риска // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2007. № 4. Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/46/30/>.
18. Устав Союза для борьбы с детской смертностью в России. СПб., 1904.

Лебеденко Е.Ю.

Динамика численности и удельный вес мещан в городском населении Пермской губернии в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в.

Для изучения особенностей социально-экономического развития городов Урала в дореформенный период большое значение имеет исследование вопроса о численности и структуре городского населения. К данной проблеме на материалах Пермской губернии обращались В.Н. Пешков, А.С. Черкасова, С.И. Сметанин и пр. [7, 12, 14]. Анализ состава и социальной структуры жителей отдельных городов предпринимался М.А. Горловским, Н.В. Андреевым, П.А. Корчагиным и пр. [1, 4, 8]. Нам хотелось бы охарактеризовать изменения численности и удельного веса одной из податных групп горожан – мещанства. Данное сословие относилось к низшему разряду «городовых обывателей в особенности», составив к началу 1860-х гг. 43% городского населения губернии. Проследить изменения численности мещан Пермской губернии на протяжении всего изучаемого периода достаточно непросто, поскольку сведения относительно данной категории горожан отличаются неполнотой. Сложность реконструкции данных для конца XVIII – начала XIX в. связана с тем, что существовавшие формы учета населения не фиксировали лиц женского пола [10]. Поэтому дальнейшие подсчеты будут произведены на основе материалов о мещанах мужского пола. Численность мещан Пермской губернии с 1795 по 1860 г. выросла с 8232 до 16312 (душ мужского пола), увеличившись на 98%, а в среднем за год – на 1,5% (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности мещан Пермской губернии в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в., душ мужского пола*

Годы	Мещане, чел.	Годы	Мещане, чел.
1795	8232	1832	10 803
1808	9262	1850	13 245
1819	10 655	1856	14 191
1824	10 932	1860	16 312
1827	10 613		

*Составлено по: Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 474. Оп.1. Д. 19. л. 92–95 об.; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 101, 336; Крат-